

Краткий обзор докладов на конференции

«Взаимосвязь ядерного разоружения и нераспространения: реальность или миф?»

Во вступительном слове руководитель проекта ИМЭМО-NTI **В.З. Дворкин** подвел итоги выполнения проекта за год, рассказал о проделанной работе, основных проведенных мероприятиях. Особый акцент был сделан на достигнутых в ходе выполнения проекта результатах, основных выводах и предложениях, представляющих как научный, так и практический интерес.

Выступая по основной теме конференции **А.Г. Арбатов** – руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО РАН, академик РАН, напомнил, что в советский период наличие взаимосвязи между сокращением ядерного оружия (ЯО) и нераспространением широко признавалось в политико-экспертных кругах страны. Признавалось, что Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) узаконил лишь временное неравенство между странами, обладающими ЯО и государствами – его не имеющими. Официально Москва многократно подтверждала приверженность принципу, что в соответствии с обязательствами по ст. VI Договора ядерные державы будут на основе переговоров, вести дела к избавлению от ядерного оружия.

В сегодняшней России, равно как и в других странах, у экспертов и политиков нет единого мнения относительно отмеченной выше взаимосвязи. И, тем не менее, если использовать такой наиболее бесприоритетный критерий, как практический опыт, то можно утверждать о наличии такой взаимосвязи.

Декада расцвета контроля над вооружениями в 1987-1998 гг. была ознаменована целым рядом ключевых соглашений (Договор о РСМД, ДОВСЕ, КХО, СНВ-1, СНВ-2 и СНВ-3, ДВЗЯИ, Протокол 1997 г. о разграничении стратегической и тактической ПРО), что позволило также достичь больших успехов в ядерном нераспространении. От ядерного оружия отказались ЮАР, Украина, Белоруссия, Казахстан, КНДР (согласно договоренности КЕДО от 1994 г.). Ирак был силой лишен «ядерного выбора». За рамками ДНЯО осталось лишь одно ядерное государство – Израиль. В 1995 г. удалось бессрочно продлить ДНЯО, а в 1997 г. – принять Дополнительный протокол к Соглашению о гарантиях МАГАТЭ. В таком контексте трудно отрицать взаимосвязь позитивной динамики контроля над вооружениями и успехов в нераспространении.

Но одновременно с торможением процесса разоружения, возобновилось ядерное распространение: в 1998 г. Индия и Пакистан присоединились к «ядерному клубу». Пришедшая к власти в 2000 г. администрация Буша продекларировала отказ от курса на ограничения и сокращения вооружений. США в одностороннем порядке вышли из Договора по ПРО. Хотя в 2002 г. был заключен Договор СНП, он не обрел полной юридической силы. Провалилось принятие Протокола к Конвенции о запрещении биологического оружия и т.п. В итоге – процесс разоружения застыл, и сразу активизировалась тенденция к распространению ЯО. Вышла из ДНЯО и создала ядерное оружие Северная Корея, Иран взял курс на создание военного ядерного и ракетного потенциала.

В ходе российско-американской «перезагрузки» 2009-2011 гг. был заключен новый Договор СНВ, что вызвало оживление в сфере нераспространения: успешное проведение конференции по рассмотрению ДНЯО, саммит по ядерной безопасности.

Но вскоре разоружение опять застыло: неудача постигла переговоры по проблеме ПРО, что заблокировало следующий этап СНВ и диалог по тактическому ЯО, по предотвращению милитаризации космического пространства

и другим направлениям. Это сразу повлекло растущие разногласия великих держав в сфере нераспространения, прежде всего вокруг санкций в отношении Ирана.

Поэтому можно с уверенностью предсказать, что в будущем укрепление режимов ядерного нераспространения в большой мере зависит от возобновления процесса разоружения.

В выступлении главного научного сотрудника ИМЭМО РАН **А.Н. Калядина**, одного из авторов брошюры, было обращено внимание на то, что в положениях ДНЯО не предусмотрен механизм реагирования на нарушения Договора. Предусмотрена лишь возможность передачи информации от МАГАТЭ о вскрытых нарушениях на рассмотрение СБ ООН. Однако, как показывает практика, этого оказывается абсолютно недостаточно. В целях совершенствования механизма надзора за соблюдением Договора пришлось создавать специальный «санкционный» комитет СБ ООН, который занимается проблемами ядерных программ Ирана и КНДР, а также комитет СБ ООН, учрежденный резолюцией 1540. В итоге, однако, приходится констатировать недостаточную эффективность имеющихся международных институтов, что, наряду с прочими факторами, не позволяет остановить процесс распространения.

Необходимо активизировать взаимодействие «пятерки» ядерных государств, сделать его более продуктивным, в том числе, в рамках мер, предусмотренных главой VII Устава СБ ООН. Следовало бы, наконец, оживить работу Военно-штабного Комитета ООН для принятия силовых мер к нарушителям ДНЯО. Возможности ВШК должным образом не используются.

Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра, чрезвычайный и полномочный посол **Р.М. Тимербаев** – автор одной из глав брошюры, подчеркнул, что только ДНЯО закрепил юридически обязывающий характер гарантий МАГАТЭ. Для того, чтобы охватить этими гарантиями не только заявленную, но и незаявленную деятельность понадобился Дополнительный протокол 1997 г., который, к сожалению, не обязателен для стран, не подписавших ДНЯО. В этой связи, было бы полезным, чтобы СБ ООН принял решение об обязательности гарантий МАГАТЭ для всех стран. Более того, эти гарантии должны стать важнейшим элементом контроля за ядерным разоружением на дальнюю перспективу безъядерного мира.

В ходе обсуждения докладов, а также основных положений представленной брошюры состоялась оживленная дискуссия, затронувшая актуальные проблемы сокращения и ограничения вооружений, нераспространения, обеспечения безопасности. По теме противоракетной обороны в Европе было замечено, что внимание российского политико-экспертного сообщества к этому вопросу гипертрофировано. Целесообразным представляется не делать из проблемы ЕвроПРО препятствие для дальнейшего процесса сокращения и ограничения вооружений. Интересам России отвечает продвижение к следующему этапу СНВ, поскольку уже сейчас ее уровни стратегических наступательных вооружений оказались ниже потолков нового Договора о СНВ. Поскольку возможность продвижения военной инфраструктуры НАТО к границам России воспринимается как реальная угроза безопасности РФ - ее интересам отвечает возрождение с теми или иными поправками адаптированного Договора по обычным вооруженным силам в Европе. Важнейшим «козырем» России в этом вопросе стала бы возможность переговоров по тактическому ядерному оружию.

Была выражена серьезная озабоченность тем, что в отношениях России с США и НАТО в сфере безопасности снова превалируют негативные тенденции. Их можно преодолеть, только отказавшись от использования напряженности во внутривполитических целях в России и США, на путях расширения сотрудничества по самому широкому кругу проблем безопасности, интенсификации диалога политиков и экспертов.